

Кожов М.М. Биология озера Байкал. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 315 с.
Скалон В.Н. Охраняйте природу. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 108 с.
Скалон В.Н. Беседы о природе. М.: Лесн. пром-сть, 1969. 122 с.
Скалон В.Н., Шаргаев М.А. Источник богатства и красоты. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1974. 101с.

УДК 502 (091) : 001.86

ПРОФЕССОР В.Н. СКАЛОН: КЕМЕРОВСКИЙ ПЕРИОД (ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКА)

Ю.С. Калягин

Кемеровский государственный университет

Кемеровский период, если его можно так назвать, в жизни профессора Василия Николаевича Скалона был самым коротким и последним в его многотрудной жизни.

Василий Николаевич вместе с семьей переехал из г. Иркутска на постоянное местожительство и работу в г. Кемерово в сентябре 1975 г., как раз год спустя после преобразования Кемеровского пединститута в университет. Он стал работать ординарным профессором на вновь организованной кафедре зоологии, а его жена — профессор Татьяна Николаевна Гагина стала первой заведующей этой кафедры.

Приезд профессора В.Н. Скалона в Кемерово совпал с началом разветывания строительства плотины и подготовкой ложа Крапивинского водохранилища на реке Томи, а комплексные исследования по долгосрочному прогнозированию изменений окружающей среды в связи со строительством планировались под биологический факультет университета. Василий Николаевич сразу же активно включился в работу и возглавил эти исследования, создав биологическую станцию «Чайка», которая еще долгие годы успешно функционировала уже после смерти своего создателя.

Сразу по приезде на новое место Василий Николаевич собрал всех молодых преподавателей кафедры зоологии и сотрудников биостанции «Чайка», которым рассказал в общих чертах о состоянии дела охраны природы в стране, несколько подробнее о природоохранных проблемах

озера Байкал и закончил целями и вытекающими из них задачами, стоящими перед коллективом в связи со строительством Крапивинского гидроузла. В результате очень содержательной беседы разношерстный коллектив был объединен общей идеей и вооружен целями и задачами исследований. Кроме этого, Василий Николаевич с каждым поговорил о его научной работе. При этом он не навязывал свою тематику, а пытался развить творческую инициативу сотрудника, направляя ее в нужное русло для быстреего достижения поставленной цели. Когда очередь дошла до меня, и Василий Николаевич узнал, что моя кандидатская диссертация давным-давно переплетена, он попросил ее немедленно принести. Внимательно просмотрев ее, он долго сокрушался и сожалел, что не может оказать мне помощь в «пристройстве» диссертации к защите, так как она была посвящена исследованию микроморфологии иксодовых клещей, а он был далек от подобного рода тематик: — Уго-раздило же Вас написать диссертацию на такую тему!

Василия Николаевича очень почитала молодежь, и он платил ей взаимностью. Впервые я увидел Василия Николаевича в 1958 году, когда был студентом Томского университета, куда он приехал на защиту докторской диссертации Иннокентия Прокопьевича Лаптева. В 1957 году у Василия Николаевича вышла одна из первых наших книг, непосредственно посвященных проблеме охраны природы, написанная очень критически (Охраняйте природу. Иркутск: ОГИЗ). Книга пользовалась фантастической популярностью и сразу же стала библиографической редкостью, приобрести ее было невозможно, а тут — какое счастье! — сам автор. Его окружила толпа студентов-биологов, каждый просил выслать дорогой экземпляр. Василий Николаевич доброжелательно всех выслушал, собрал записки с адресами и обещал каждому выслать книжки. К нему магически тянулись обездоленные и страждущие, заведомо зная, что получают от него поддержку и помощь. Он был настолько простым в общении, что мы, молодежь, почти не чувствовали огромной дистанции, лежавшей между нами и маститым ученым, благо к нам он относился по-отечески. К Василию Николаевичу как к старшему товарищу можно было обратиться по любому вопросу и получить совет или консультацию. Популярность его была безгранична: его практически знали, если не лично, то заочно, все специалисты биологического профиля по многочисленным трудам и выступлениям. В этом я имел возможность убедиться лично, когда зимой 1975 года в составе делегации Кемерово-

вского госуниверситета, которую возглавлял Василий Николаевич, отправился в Барнаул, где проходила научная конференция, посвященная охране, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов Алтайского края. Это была его стихия, он был, как говорится «нарасхват», приходилось только поражаться широте его кругозора и научной компетентности. Всюду были его друзья, коллеги и многочисленнейшие ученики, всюду консультации, ответы на вопросы, дельные советы. Просто и непринужденно он умел направить разговор в нужное русло в любой обстановке, всякий житейский эпизод мог послужить поводом для воспоминаний или экскурсии в историю края или науки. Сами того не замечая, мы — его окружение научно образовывались и совершенствовались от одного только общения с Василием Николаевичем. Как сейчас помню теплое дружеское застолье вечером после очередного заседания Барнаульской конференции на квартире у главного охотоведа Алтайского края Александра Яковлевича Бондарева — ученика профессора В.Н. Скалона. Весь вечер шла непринужденная беседа о проблемах охотоведения, охране природы Алтая, о работе выпускников охотоведческого факультета ИСХИ и многом другом. Ходом и содержанием нашей беседы незаметно и умело руководил Василий Николаевич.

Охрана природы была его кровным делом, целью всей его содержательной жизни. Будучи серьезно и неизлечимо больным, он покинул клинику и пришел в сопровождении жены и сына на областную конференцию по охране природы, проводимую администрацией Кемеровской области, и принял в ней активное участие. На мое изумленное замечание о его здоровье он коротко ответил: «Это все надо к рукам прибирать».

Мне кажется, что Василий Николаевич весьма прохладно относился к разного рода торжествам и юбилеям. Когда его жене исполнилось 50 лет и на кафедре ее немногочисленные сотрудники накрыли скромный стол, то Василий Николаевич заметил: «И чего тут отмечать? Подумаешь, возраст — всего-то 50 лет!»

Весьма прохладно он относился и к спиртному. Я не знаю, как дела обстояли раньше, но в кемеровский период он мог позволить себе, и то в исключительных случаях, не более бокала сухого вина. Как-то я спросил Василия Николаевича — курил ли он табак? Оказывается, что в свое время курил трубку и «здорово», но «когда почувствовал, что весь просмолился, то бросил».

Василий Николаевич никогда не упускал случая, чтобы обратить человека в свою природоохранную веру. Как-то мы затащили на квартиру к его сыну Александру, где остановился Василий Николаевич, студента-заочника биофака Соболева Николая Ивановича и попросили его рассказать о Горной Шории, где проживал наш товарищ. Василий Николаевич очень внимательно выслушал сообщение, задал несколько вопросов, а затем предложил Николаю Ивановичу написать курсовые, а затем и дипломную работы по проблеме охраны природы Горной Шории. Научное руководство при этом со стороны Василия Николаевича разумелось само собой.

Прошли годы, многое изменилось, но в моей памяти не стираемо предсмертное пожелание Василия Николаевича. За несколько часов до смерти, попрощавшись с родными и перекрестив детей, он попросил передать мне, чтобы я побыстрей защитил диссертацию.

Мне не довелось проводить дорогого Василия Николаевича в последний путь. 4 февраля, в день его похорон, я успел только отстоять в почетном карауле у гроба и тут же вынужден был покинуть гражданскую панихиду, так как мне сообщили о смерти моей бабушки...